

Взрыв

Снова утро, снова завтрак. Тугую тишину кухни нарушали только звуки, издаваемые зевающими пони, которые убирали со стола и мыли посуду. Сью Пай, погрузив копыта в раковину с горячей водой, счищала с тарелок остатки еды, Инкамина ожидала на подхвате с кухонным полотенцем и зачем-то причмокивала губами. Клайд Пай, осматривал себя в зеркале в гостиной и обнаружил какую-то неприятность, случившуюся с его воротником, и, бормоча что-то себе под нос сквозь стиснутые зубы, пытался привести в порядок свой внешний вид. Блинкамина и Пинкамина ждали остальных. Пинкамина просто скучала, сидя в кресле, Блинкамина занимала себя тем, что перекачивала туда-сюда клубок пряжи, который Сью Пай смотала накануне, и слушала тихое ворчание отца. Это было ещё одно утро Паев перед днём, полным тяжёлой рутины.

Дверной звонок, крайне редко используемый в доме Паев, прозвонил два раза. Пинкамина скосила глаза в направлении коридора. Лениво моргая, она посасывала прядь собственной гривы, наблюдала за входной дверью и ожидала хоть какой-нибудь реакции родителей. Некто за дверью позвонил ещё раз, но и этот звонок остался без ответа. Розовая кобылка оглядела остальных членов семьи: никто не проявлял никакой заинтересованности, все просто игнорировали происходящее.

– Пинкамина, не посмотришь, кто там? – наконец резко сказал отец. Хотя, скорее всего, его раздражение было вызвано борьбой с непослушным воротником.

Тяжело вздохнув и закатив глаза, кобылка снялась с насиженного места и поплелась к двери. Пока она пересекала гостиную, копыта издавали приглушенный топот, который сменился громким и скрипучим цокотом, стоило ей сойти с ковра и ступить на деревянный пол в коридоре. Подойдя к двери, она приподняла своё усталое тело на задние ноги и вытянула шею, чтобы добраться до высоковатой для неё ручки. Ухватив и провернув её зубами, кобылка отступила назад. Деревянная дверь громко скрипнула, проворачиваясь в петлях.

– О, привет, Пинки! – В двери стояла Фаерфлай, она широко улыбалась, увидев кобылку.

Пинкамина улыбнулась в ответ, нечаянно при этом зевнув. Она встряхнула головой, прогоняя сонливость, и вновь повернулась к розовой пегаске.

– Привет, мисс Фаерфлай, а что вы здесь делаете? Сегодня ж, вроде, не день доставки облаков.

– Нет. – Пегаска покачала головой. – Я всего лишь должна забрать у твоего отца деньги за дополнительные слои облаков. В Кантерлоте спрогнозировали усиление солнечной активности, вот и пришлось повозиться больше обычного.

– О! – ответила кобылка.

Она отклонилась в сторону и посмотрела за спину пегаски. Под тоскливыми серыми небесами лежали пыльные пустоши – всё как всегда. Трудно поверить, насколько

разительно отличается вид одних и тех же облаков: удивительно грандиозные, если смотреть на них сверху, и скучно обыденные – с земли. Пинкамина искала глазами пегасов, что должны были бы помогать Фаерфлай с доставкой последней партии облаков, но никого не обнаружила. Видимо, она здесь просто чтобы получить плату по договору, с чем можно справиться и в одиночку.

– Как я слышала, Сюрприз взяла тебя полетать вчера? – внезапно спросила розовая пегаска.

Пинкамина восторженно просияла, услышав имя Сюрприз в произнесённой фразе, её лицо восторженно просияло. Пегаска заметила реакцию юной собеседницы и добродушно ухмыльнулась. Поспешно кивнув, Пинкамина задорно ответила:

– Да, мы летали, это было так здорово!

– Она тоже такого мнения, – живо ответила кобыла. – И я слышала, что она показала тебе кое-что из своих трюков.

– Ага!

Пинкамина встала на задние ноги и, помогая себе жестами, принялась рассказывать о пережитом днём ранее. С трудом сохраняя равновесие, она поведала о невероятных петлях и кульбитах белой кобылицы.

– Сначала мы рванули на самый верх. Потом так, вжих, прямо к земле! Это было так страшно поначалу, но потом она взмыла обратно в воздух, и я даже почти упала, но она меня вмиг подхватила!

Фаерфлай от души рассмеялась, затем, откашлявшись, гордо выпрямилась.

– Знаешь, ведь это я научила её большинству этих трюков.

– Правда? – Глаза кобылки засверкали, а рот широко открылся, она изумлённо уставилась на розовую пегаску. – Так это вы научили её прятать воздушные шарики так, чтобы никто не мог их заметить, и играть музыку без инструментов?

Пегаска снова рассмеялась и замахала копытом, отрицая столь странные идеи.

– Нет-нет-нет, этому она научилась как-то сама. И я понятия не имею, как она это делает. – Они обе захихикали, вспоминая безумные выходки общей подруги. – Нет, я просто научила её основным движениям полёта. Я, вообще-то, очень приличный летун, даже, может быть, и получше, чем Сюрприз. Я преподавала на курсах ещё в Клаудсдейле.

Ничего себе, круто! – ответила Пинкамина, поражённая тем, что кто-то может летать ещё лучше, чем Сюрприз. Впрочем, до встречи с ней она и представить себе не могла, на что может быть способен пегас.

– Я вижу, вы тут вдвоём неплохо общаетесь, – из глубины коридора прозвучал голос Клайда Пая.

С выражением лёгкой паники кобылка обернулась, чтобы увидеть подошедшего отца, на его лице играла приветливая улыбка. Внезапно Пинкамина осознала, что толком познакомилась с Фаерфлай только на недавней вечеринке, и это то событие, о котором никто из её семьи не должен знать. Капли пота выступили на её лбу, ноги задрожали. Она крепко стиснула зубы и с тревогой оглянулась на розовую гостью. Та дотронулась копытом до макушки кобылки и заговорщицки подмигнула.

– О да, она милый и очень вежливый ребёнок, – сказала Фаерфлай, широко улыбаясь и уткнувшись носом в гриву Пинкамины. – Она расспрашивала меня о

Клаудсдейле, так что мы тут чуть-чуть поболтали.

Клайд Пай испустил короткий смешок и по-доброму взглянул на дочь.

– Да, ей всегда нравились пегасы. Не удивительно, что и их город был бы ей интересен.

– Ну, в этом нет ничего плохого, – поддержала беседу Фаерфлай, всё ещё держа копыто на голове Пинкамины.

И хотя взрослые говорили так, как будто её тут нет, это мало волновало кобылку. Главное – её секрет так и остался в тайне.

– Тем не менее, – вежливо продолжил Клайд Пай, развернувшись и поспешив назад в гостиную, – я всё подготовил и вас не задержу. Бьюсь об заклад, у вас дел не меньше нашего.

– Тружусь как пчёлка, – энергично ответила Фаерфлай.

Когда Клайд Пай скрылся в глубине дома, пегаска убрала копыто с головы Пинкамины. Вдвоём они ещё несколько секунд смотрели в дверной проём, ведущий в гостиную. Затем розовая кобыла склонилась и полушёпотом произнесла:

– Твой отец, кажется, неплохой пони. – Пинкамина сконфуженно взглянула на пегаску, которая мягко улыбнулась и продолжила: – Ты должна дать ему поблажку.

Пинкамина смущённо проморгалась. Это внезапное предложение прозвучало как гром среди ясного неба. После кратких размышлений она предположила, что Сюрприз рассказала всё Фаерфлай. И хотя то, что белая кобылица не держала язык за зубами, слегка раздражало, такая нежданная поддержка показалась Пинкамине довольно приятной. Она улыбнулась и кивнула в ответ.

– Вот тут все, – сказал земной жеребец, появившись в коридоре с небольшим мешочком в зубах. Он подбежал к двум пони, стоящим рядом с дверью, и подбросил мешочек в воздух. Пегаска его молниеносно подхватила.

– Если хотите, можете пересчитать.

– О, я не беспокоюсь, – вежливо ответила кобыла, разворачиваясь. – Я вам доверяю.

Она сделала несколько шагов по безжизненным полям фермы. Мешочек раскачивался взад и вперёд, и монеты в нём весело позвякивали. Обернувшись, она вежливо помахала копытом провожающим её двум пони. Они тоже помахали в ответ и каждый улыбнулся по-своему. Пегаска подмигнула так, что жеребец увидел в этом лишь подёргивание, однако кобылка, улыбнувшись шире, дала знать, что прочитала намёк. Первые несколько хлопков крыльями взметнули пыль и грязь, ещё через секунду розовая пегаска оторвалась от земли и полетела прочь, выставив вперёд оба передних копыта. Пинкамина наблюдала за полётом Фаерфлай и счастливо улыбалась, размышляя о том, насколько доброжелательной пони она была.

– Что ж, полагаю, пора приступить к работе, – сказал пожилой жеребец, потягивая передние ноги. – Эти камни сами себя не перевернут.

Улыбка сошла с лица кобылки, хотя губы ещё продолжали изображать некоторое её подобие. Пинкамина сделала первую пару шагов предстоящего тяжёлого дня на полях каменной фермы.

– Да-да, конечно.

Новый день не привнёс ничего нового в дело ведения хозяйства на ферме камней. Пинкамина и не ожидала всерьёз каких-либо изменений, но сама мысль, что может же что-нибудь произойти, обычно ободряла. Но камни вокруг были теми же самыми, что и всегда, безжизненные остатки растений всё так же валялись тут и там, спина болела, как и в любой день ранее. Единственная перемена, что произошла: крушение надежд на перемены сегодня прошло особенно болезненно. Была ли тому виной вчерашняя попытка крылатой кобылицы утешить Пинкамину, или просто теперь она лучше представляла, как выглядит жизнь за пределами фермы – она не знала. Она знала точно одно, что воздух в округе оставался всё так же тяжёл и сух, как и всегда.

Они готовились перевезти все камни на южное поле. Распределение питательных веществ в воздухе изменилось, и теперь южное оказалось самым плодородным полем на всей ферме. Они собирались сложить большинство камней в небольшие кучи, что облегчило бы дальнейший процесс ухода за ними: переворачивать их по несколько сразу за один раз было бы проще. Пинкамина почти закончила возиться с одной из таких груд камней. Она разрыла землю копытом вокруг застрявшего булыжника, чтобы потом мордой затолкать его на верх всей кучи. Наконец он поддался, и кобылка хрипло вздохнула.

Звон колокола разнёсся над полями, созывая семью Пай на обед. В отличие от остальных, Пинкамина никуда не пошла, а просто села на круп и задрала голову к небу. Она услышала, как отец откашлялся в дверях, и глазами проследила источник звука. Клайд Пай посмотрел на неё с серьёзным лицом, безмолвно приглашая присоединиться к семейному обеду, хотя бы раз. Но её ответ как всегда был одним и тем же – "нет". Она не желала провести драгоценное свободное время в тоске и унынии.

Дверь захлопнулась, и Пинкамина осталась одна посреди пустырей. Её перерыв начался, но тело ослабло. (1) После стольких поднятых и перевёрнутых камней, она едва шевелилась и не могла двинуться с места сразу. Ей нужно было перевести дух.

Потягивая шею, она уставилась на облака – серый океан, замерший прямо над головой. В памяти прокручивались воспоминания о случившихся днём ранее событиях: радостная песня под чистым небом над облаками и наставления, что дала ей Сюрприз. *"На всей земле нет места, куда бы не смог попасть солнечный свет!"* – говорила она. Но вид пустошей вокруг заставлял сомневаться в этих словах: никаких признаков живого, никакой надежды увидеть здесь хоть лучик солнца, большое тепло воздуха больше обжигало кожу, чем согревало. Кажется, Сюрприз всё же ошиблась и солнце никогда не осветит эти каменные поля.

Но что-то случилось. Пока Пинкамина взидала на небеса, она заметила странное движение в вышине, сопровождаемое грохотом взрыва. Ударная волна пронеслась по тёмному небу. Это была очень странная волна, больше напоминающая яростную вспышку радуги: всполохи всех цветов спектра пронеслись через воздушное пространство, разбётывая в стороны тяжёлые тучи. Мощный порыв достиг места, где сидела кобылка, и потащил её по земле вместе с камнями и комьями грязи, которые не заделали её только по чистой случайности. Она почувствовала, как эта странная волна перемешала её идеально

ровную гриву. Когда всё улеглось, Пинкамина озиралась вокруг потрясённым взглядом, она пыталась найти хоть какое-то объяснение произошедшему.

Когда она немного пришла в себя и вновь посмотрела на небо, она увидела совершенно невероятнейшую для этого места картину: радуга! Прекраснейшая радуга зависла над старой и пыльной фермой, она сияла в солнечных лучах, внезапно прорвавшихся сквозь дыру в облачном слое, которую пробил странный радужный взрыв. Свет Селестии озарил коричневую грязь, многие камни совершенно неожиданно засверкали, а тёмная пыль превратилась в светлую. Рот Пинкамины всё шире и шире растягивался в улыбке. Наконец-то солнце добралось туда, куда не могло пробиться раньше, серое стало радужным, а Сюрприз оказалась права.

Такой радости она никогда ещё не испытывала: ей явился не только солнечный свет, но и магическое волшебство разноцветья разлилось над местом, которое она ненавидела, словно бы эту радугу доставили напрямую с фабрики Клаудсдейла. Её лицо уже сводило от широко растянутой улыбки, но это её ничуть не заботило, ей хотелось улыбаться всегда и вечно. Но вскоре природа облачного слоя взяла своё: клочок за клочком он затягивал прореху, чтобы серая однородная пелена вновь надёжно преградила путь солнечным лучам. Радость солнечного дня оказалась скоротечной, но она достаточно потрясла кобылку. Мысль пришла ей в голову: как было бы здорово, если бы вся семья увидела бы то, что произошло! Но они бы всё равно не успели до того, как небо вновь станет унылым и скучным.

Пинкамина потирала подбородок, в то время как мысли в голове понеслись вскачь. Она хотела придумать способ заставить родных пони радоваться так же, как только что радовалась она. Солнечный свет не вариант: даже если бы ей и удалось разогнать тучи на хоть сколь-либо долгое время, родителей бы больше волновало состояние урожая. Нужно было что-то яркое и весёлое. Она пыталась припомнить, что же её особо радовало в последнее время. К счастью, зарываться в давние воспоминания не пришлось, ответ лежал на поверхности – в событиях последних дней. Она вскочила на ноги и поскакала в Понивилль, чтобы успеть до конца своего перерыва раздобыть необходимые материалы. Первый пункт в списке – воздушные шарик.

Материалы нашлись, но на исполнение остальной части плана времени уже не оставалось – перерыв закончился. Впрочем, впереди ещё оставался целый вечер. Пинкамина привела в порядок волосы, чтобы до конца дня сохранять свой секрет в тайне от остальных членов семьи. Она усердно помогала перемещать оставшиеся камни на южное поле, а утром она планировала преподнести свой сюрприз.

Силосная башня была далека от идеала, но времени подыскать более подходящее место не оставалось. На выбор повлияло также то, что помещение изнутри оказалось высоким и узким, что облегчало работы по украшению, а чем быстрее удастся всё подготовить, тем больше шансов сохранить сюрприз в тайне от семьи. Затянув последний узел, кобылка отёрла пот со лба и отступила на несколько шагов, чтобы окинуть взглядом результаты упорной работы. Гирлянды висели по всему круглому периметру металлических стен, которые теперь оказались раскрашены синей, розовой, красной и другими весёлыми красками прямо поверх изначального тускло-серебристого покрытия. Ленты и конфетти валялись повсюду, скрывая пыльную поверхность пола настолько,

насколько это возможно. Воздушные шарики, закреплённые за свои нитки, были распределены по помещению в живописном беспорядке. Некоторые из них имели обычную яйцеобразную форму, другие напоминали ярко раскрашенные подковы. В общем и целом Пинкамина была довольна тем, как ей удалось воссоздать место для проведения вечеринки, особенно учитывая, сколь мало времени у неё на это было и то, что делала она это в первый раз.

– Я считаю, что лучше бы нам заняться уборкой камней на южном поле, – голос Клайда Пая донёлся снаружи и послужил сигналом для Пинкамины. Волосы её гривы словно взорвались, превратившись в клубок завитушек, точно так же произошло днём ранее в момент радужного взрыва. Но сейчас было не до размышлений над этим странным фактом. Кобылка метнулась мимо подготовленных торта и чаши с пуншем к старому граммофону отца, поставила пластинку и аккуратно опустила иглу. Из широкого медного раструба раздалась бодрая народная мелодия в исполнении духового оркестра. Пинкамина удовлетворённо кивнула и кинулась открывать дверь.

– Пинкамина Диана Пай, ты ли это там?! – Голос матери раздался прежде, чем розовая кобылка добежала до входа.

Приоткрыв дверь, она и выпустила навстречу своей семье поток конфетти и несколько воздушных шариков, затем поприветствовала коричневых и серых родственников возбуждённой широкой улыбкой.

– Мам! – радостно воскликнула она. – Пап, сестрёнки, проходите скорее внутрь!

Она прикрыла дверь, даже не посмотрев на реакцию родственников, и затаилась за большим тортом по центру. Розовая кобылка чувствовала себя словно тигр, крадущийся за добычей, она с волнением хихикала, представляя, как должны засиять лица родителей и сестёр. Дверь открылась, семья Паев вошла внутрь, Пинкамина изготовилась для прыжка.

– Сюрприз! – весело завопила она и выпрыгнула вперёд, размахивая копытами. – Вам нравится? Это называется "вечеринка"!

Как только она это произнесла, где-то протрубил праздничный горн, чего она никак не ожидала, но в тот момент детали её не заботили. Пинкамина, сияя радостной улыбкой, с замиранием сердца следила за ошарашенными членами семьи, те стояли разинув рты, и в их глазах читался ужас. Раздались громкие возгласы, отец выронил изо рта соломинку, а поражённые зрелищем сёстры никак не могли проморгаться. Пинкамина заволновалась. Она закусил губу, в глазах пробежала тревога, а улыбка исчезла с лица, пока она наблюдала, как самые близкие родственники изучают декорации и праздничные приготовления. Их голоса дрожали, будто они были готовы вот-вот разрыдаться, глаза затравленно бегали из стороны в сторону.

Все надежды рухнули. Планы устроить радостное потрясение, оказались пустыми мечтами. Опустив голову и отвернувшись, Пинкамина испустила горестный вздох.

– Вам не нравится...

Но оказалось, что она поторопилась с выводами. Бросая последний взгляд через плечо, она увидела, как дрожащие губы на родных лицах медленно складываются в улыбки. Первоначальный шок довольно быстро сменился выражениями восторга.

– Вам понравилось! – прокричала кобылка, набирая в лёгкие побольше воздуха и

выдыхая с радостным облегчением.

Она метнулась к родным и крепко обняла мать до того, как вечеринка, собственно, началась. Потом хватило нескольких секунд, чтобы пони высыпали на импровизированный танцпол. Все они смешно двигались и дёргались, не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Пинкамина и Сью Пай отплясывали, оперевшись друг на друга одним копытом, а другим размахивали в воздухе. Все пони смеялись, но розовая кобылка легко могла пересмеять всех остальных вместе взятых. Наконец она увидела свою семью со стороны, о существовании которой даже не подозревала. Одними только яркими цветами, сладкими угощениями и небольшим количеством весёлой музыки она вызвала поток радости и счастья, который наполнил её сердце чистым солнечным светом. Ощущение лёгкой щекотки, сопровождаемое слабым мерцанием, пробежало по её бокам, и она прокричала от всего сердца:

– Я так счастлива!

Вечеринка длилась недолго, но не из-за отсутствия желания, а, скорее, из-за недостатка сил. Инкамина и Блинкамина были слишком молоды, чтобы спозаранку безудержно трясти боками, так что они нашли уютное местечко в уголке, где прикорнули вдвоём. Клайд Пай выдохнул сквозь сомкнутые губы и, улыбаясь, покачал головой над спящей парочкой. При помощи одеяла пожилой жеребец подобрал дочерей с земли и заботливо примостил на своей спине. Затем направился к выходу, но остановился перед самой дверью и посмотрел на жену и старшую дочь.

– Я думаю, пусть эти двое передохнут денёк. – С нежностью в голосе прошептал он.
– Все равно в поле от них сегодня не будет пользы.

Пинкамина едва обратила внимание на слова отца, она сидела с разинутым ртом и широко раскрытыми глазами, зачарованно разглядывая отражение своих боков в серебряном подносе. Поэтому она только медленно кивнула в ответ, целиком отдавая право развёрнуто высказаться своей матери. Сью Пай тепло улыбнулась мужу и ответила:

– Конечно, пусть малышки отдохнут.

Коричневый жеребец кивнул и медленно открыл дверь, стараясь случайно не разбудить кобылок на своей спине. Хотя петли, заскрипев, выказали своё особое мнение по этому поводу. К счастью, выйти ему удалось без каких-либо проблем. Дверь за собой он затворил так же тихо и осторожно.

На её шкурке три воздушных шарика парили на своих нитках – два голубых и ещё один жёлтый посередине. Они словно пытались взлететь с боков кобылки и потащить её за собой до самого неба. Пинкамина чувствовала себя лёгкой словно пёрышко. Но ещё одним весомейшим поводом для радости было то, насколько это похоже на кютимарку белой пегаски: хоть цвета и были другими, но, без всяких сомнений, форма совпадала полностью. И этот факт заставлял кобылку пребывать вне себя от счастья, она обладала

той же самой способностью устраивать вечеринки, которая восхищала её больше всего.

– Очень красивая метка, – нежным голосом сказала Сью Пай. Пинкамина взглянула на неё и увидела спокойную улыбку на лице серой кобылы. В её глазах, видимых из-под очков, ясно читалась гордость за свою дочь. – Кто бы мог подумать, что она проявится на боку моей маленькой Пинкамины!

Розовая кобылка улыбнулась и оглянулась на свой бок.

– Я тоже как-то не ожидала.

– Но должна сказать, – продолжила пожилая кобыла, и Пинкамина с любопытством посмотрела на неё. – Я никогда бы не подумала, что ты устроишь для нас вечеринку. Это было удивительно.

– Ну, я действительно хотела устроить сюрприз.

Пинкамина ухмыльнулась. Только что произнесённая фраза лучше всего описывала то, что она хотела сказать, но в то же самое время она ещё и содержала отсылку к белой кобылице.

– Это не совсем то, что я имела в виду, – сказала Сью.

В этот момент Пинкамина заметила, как помрачнел взгляд её матери. Хотя она всё ещё улыбалась, но серые облака уже затянули прореху и затмили солнечный свет в её глазах, они сделали её взгляд даже более печальным, чем кобылка могла бы ожидать.

Она подошла поближе к матери и посмотрела ей в лицо снизу. Оно было даже более печальным, как будто бы она боялась чего-то.

– Что случилось, мам?

– Мне казалось, что ты нас ненавидишь, – тихо произнесла она.

Ошеломлённая словами матери Пинкамина не могла пошевелиться. И хотя ей хотелось завопить: "Почему?!", она не могла отреагировать иначе, кроме как часто-часто заморгать. Между тем Сью Пай изо всех сил пыталась сохранить на лице улыбку. Шмыгнув носом, она продолжила:

– То, как ты всегда смотрела на нас, как не хотела есть с нами или просто побыть вместе... Я не знала уже, что и делать, я была просто уверена, что ты на дух нас не переносишь.

– Но мам... – начала Пинкамина, но не успела ничего произнести до того, как её прервала мать, готовая вот-вот расплакаться:

– Я так рада, что ошибалась! – сказала она дрожащим голосом и прикрыла глаза одним копытом, отчаянно пытаясь скрыть слёзы, покотившиеся из глаз. – Я так рада, Пинкамина, дочка!..

Розовая кобылка ничего не могла сказать, её уши повисли. Она увидела свою мать со стороны, с которой никогда на неё не смотрела. Она ясно сейчас открыла для себя то, что никогда не пыталась понять остальных членов своей семьи. Для неё они все были связаны с мёртвыми полями каменной фермы в единое неразделимое целое. То, что её собственная мать ощущала себя презируемой дочерью, скрутило кишки в приступе осознания своей вины. Розовая кобылка прижалась к матери, обхватила её копытами и приложила щекой к серой шёрстке на её груди. Она почувствовала тепло, услышала звук вдохов и выдохов, и это стало совсем новым для неё ощущением.

– Прости, дорогая, – тихо сказала пожилая кобыла. Пинкамина чувствовала, как

дрожат копыта, обнимающие её за спину и шею. Копыто, что лежало на шее, ласково поглаживало её ставшую кудрявой гриву, в то время как кобылка начала покачиваться вперёд и назад. – Я не хотела, чтобы ты видела меня такой, я просто счастлива, и всё.

– Я не ненавижу тебя, мам, – так же тихо произнесла Пинкамина. Её горло пересохло, а в глазах стояли слезы, но она не плакала, а просто тихо покачивалась вместе с матерью.

– Но, знаешь, – сказала Сью Пай после недолгой паузы, переводя разговор в более весёлое русло, – никогда бы не подумала, что на твоей кютимарке будут воздушные шарики. – Она легонько подтолкнула кобылку, чтобы та повернулась и позволила лучше рассмотреть вновь обретенную метку. – Как тебе пришла в голову идея устроить вечеринку?

Пинкамина молчала некоторое время, всё ещё прижимаясь головой к груди матери. Её глаза смотрели в пустоту, а мысли блуждали, взвешивая все за и против того, чтобы рассказать правду. Совершенно непонятно, как мать могла бы отреагировать: рассердится ли, или будет рада за свою дочь? Но всё же кобылка решила, что должна всё рассказать.

Сев прямо и несколько раз глубоко вздохнув, она посмотрела в глаза матери. Очки, скрывающие взгляд, смущали, так что она робко улыбнулась, прежде чем что-нибудь произнести. Серая кобыла расслабилась и улыбнулась в ответ. Но нервозность не покидала Пинкамину: она опустила глаза и принялась копытом вычерчивать круги на пыльном полу, набираясь мужества, чтобы начать говорить. Она инстинктивно подула вперёд, как всегда делала, сдувая с лица свои длинные прямые волосы, хоть сейчас, из-за новой кудрявой причёски, это уже стало необязательным.

– Мам, – начала она и не смогла продолжить дальше этого простого слова.

– Да, Пинкамина? – Успокаивающий голос склонившейся к ней матери помог унять волнение.

Проглотив комок в горле, Пинкамина приподняла лицо и исподлобья взглянула в глаза матери.

– Что если я скажу, что последние несколько дней я не была хорошей девочкой?

– Что ты имеешь в виду? – Сью Пай удивлённо повела бровью.

– Ну, знаешь, я повстречалась с одной взрослой пегаской пару дней назад, – кобылка продолжила оправдывающимся тоном. – В один из моих перерывов на реке. Она просто подошла ко мне из ниоткуда и начала болтать. Она пригласила меня на вечеринку в тот вечер. И... – Она глубоко вздохнула. – Я согласилась. Я сбежала из дома и пошла на вечеринку без разрешения.

Сью Пай молчала, на её лице застыло неодобрительное выражение. Уставившись на кобылку тяжёлым взглядом неподвижных глаз, она застыла на несколько секунд, словно каменная статуя. В какой-то момент Пинкамина даже не была уверена, что она всё ещё здесь. Невыносимая тишина заставила кобылку съёжиться, нервно сжать копыта и отвернуться в сторону, словно пристыженный маленький ребёнок. Когда кобыла пришла в себя, она облизнула губы и перевела взгляд на точку на стене позади головы кобылки. Пинкамина готовилась к худшему, но надеялась на лучшее и тихо смотрела, как мать почёсывала себе шею.

– Пегаска, говоришь... – серьёзным тоном начала она, не глядя на розовую дочь. – Что за пегаска?

– Она потрясающая! – Немедленно ответила Пинкамина.

Не задумываясь ни на секунду, она начала рассказывать о белой кобылице. Просто выпавший шанс оказался достаточным поводом, чтобы розовая кобылка позабыла свою нервозность на время и принялась расхваливать Сюрприз, возбуждённо размахивая передними ногами.

– Она всегда счастлива и всегда смеётся. Даже тогда, когда совсем грустно. Она такая активная, что не может и секунды стоять на месте. А иногда она говорит страннейшие вещи, но всегда по-доброму. Всем всегда весело, если она где-то рядом.

Посередине объяснения розовая кобылка начала скакать по помещению вокруг, даже не обращая на это особого внимания. Просто что-то внезапно нашло на неё, и она не могла устоять на месте.

– А ещё она дружит со всеми пони в Понивилле, не говоря уже про пони с Клаудсдейла, как мисс Фаерфлай, которая, кстати, обучала её куче трюков, которые она мне показывала. И она может делать такие странные вещи, которые даже сама не может объяснить, как сделала.

– Подожди-подожди, Пинкамина. – Рассмеявшись, Сью Пай прервала разошедшуюся кобылку.

Услышав эту команду, Пинкамина застыла на месте, стоя на одной ноге. Пожилой кобыле понадобилось несколько секунд, чтобы отсмеяться и, наконец, снова обрести способность говорить.

– С каких это пор ты стала такой болтливой?

– Не знаю! – воскликнула кобылка, радостно ухмыляясь. – Это как когда я вспоминаю Сюрприз, то становлюсь полностью счастливой. Она такая потрясающая!

– Так значит, её зовут Сюрприз? – Серая кобыла уже не смеялась, но всё ещё продолжала широко улыбаться.

Это напомнило Пинкамине, насколько невесёлую тональность имел разговор, прежде чем она принялась за рассказ о своей подруге. Она опять села, широко раскрыла глаза и посмотрела на мать с серьёзным выражением лица. Но Сью Пай совсем не выглядела мрачной, каким-то образом танец кобылки прогнал с её лица хмурый взгляд, заменив его радостной ухмылкой.

– Говоришь, она потрясающая? – весело произнесла пожилая кобыла.

– Да. И даже круче! – кивнула Пинкамина, улыбаясь снова.

– Ну, в таком случае... – Кобыла закрыла глаза и потрясла головой. Её грудь поднялась и опустилась в глубоком вздохе. – Я дам тебе сорваться с крючка на этот раз. Но, вообще-то, я бы не разрешила тебе иметь дело со всякими странными пони. Ты меня понимаешь, Пинкамина?

– Конечно, мамочка, ничего подобного не случится! – Произнесла кобылка, отсалютовав копытом.

Она прыгнула к серой кобыле, сияя от счастья, чтобы снова упасть в крепкие объятия. Это было странно, что они так внезапно открылись друг другу. До сих пор Пинкамина никогда не могла довериться никому из своей семьи, пока неожиданно не

нашла причины улыбаться и веселиться вместе с ними. Она чувствовала себя счастливой.

Серая кобыла ещё крепче прижала к себе улыбающуюся дочь, прежде чем отпустить её из своих объятий. Затем посмотрела на макушку Пинкамины и озадаченно задрала бровь.

– Кстати, ты собираешься остаться в таком виде? – спросила она, странно усмехаясь.

– Что ты имеешь в виду?

Пинкамина смущённо наклонила голову, прикоснувшись щекой к материнскому копыту на своём плече.

– Твои волосы, дорогая. Ты не хочешь их распрямить?

Пинкамина попыталась взглянуть на свою гриву, но в отличие от того, как было раньше, теперь это оказалось невозможным – в поле зрения попадали только кончики прядей. Она уже было открыла рот для ответа, но внезапное озарение поразило её как молния. Громко вздохнув, она ощутила возбуждённую дрожь во всём теле.

– Вообще-то, мне хотелось бы поменять причёску. И мне кажется я знаю, чего именно я хочу.

– Что ж, хорошо, Пинкамина, – ответила кобыла, медленно покачивая головой. – Но, по крайней мере, сделай из этого что-нибудь чуть более упорядоченное.

– Ладно, – кивнув, согласилась кобылка. – И, мам...

– Да, милая?

– Если это не покажется тебе слишком... – Пинкамина снова сложила копыта вместе и растянула рот в улыбке от уха до уха, – ...не могла бы ты звать меня Пинки?

1. В оригинале «Her break had started, but her body was weak.» Мне кажется, что автор подражал цитате из писания «the spirit is strong but the flesh is weak» (мой дух силен, но плоть слаба). Это очень популярное на западе выражение.